

УЗНИКИ
ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ
КРЕПОСТИ

А. Н. РАДИЩЕВ

В. ИВАНОВА

А.Н. РАДИЩЕВ

ЛЕНИЗДАТ · 1965

...Одетые камнем бастионы, шпиль, пронзающий небо. Многие помнят старые стены крепости. Многие и многих. Здесь, в сырых, темных казематах, томились революционеры — лучшие сыны русского народа, те, кто осмелился возвысить свой голос против самодержавия. Первым из них был Александр Николаевич Радищев.

Посмотрите на его портрет. Строгое тонкое лицо с живыми умными глазами, высокий лоб мудреца, соболиные брови вразлет...

Двести лет отделяют нас от того времени, когда он жил, но память о нем сохранилась. Сохранилась потому, что никогда не забудут люди человека, чьим идеалом, чьим знаменем была Справедливость.

* * *

...В июне по городу пополз слух, будто на Невском, в лавке купца Зотова, продается предерзкая книга, в котсрой царям грозят плахою. Имени сочинителя на книге не выставлено, но на последнем листе напечатано: «с дозволения Управы благочиния».

Вскоре слух достиг ушей Екатерины, а немного погодя чья-то услужливая рука положила крамольную книгу на стол императрицы. Статс-секретарь Александр Васильевич Храповицкий, придя как-то в царский кабинет, нашел государыню разгневанной. Во дворец срочно был вызван обер-полицмейстер Никита Рылеев — председатель провинившейся управы. Узнав, в чем дело, он повалился императрице в ноги, зарыдал и стал клясться, что разрешил печатать окаянную книжонку по одной только глупости, не читая, поверив в невинность названия.

Глупость его, точно, была известна, и Рылеева отпустили с миром, поставив ему условием сочинителя сыскать.

Розыск начали с лавки. По поручению перепуганного обер-полицмейстера частный пристав Иван Бухарцев в тот же день навел справки о книгопродавце Зотове. Сведения были успокоительные. Знавшие Зотова гостинодворские купцы рассказали, что поведения он хорошего и ни в каких подозрительных поступках не замечен. Все же Зотова арестовали, допросили, но через три дня выпустили, взяв с него подписку, чтобы все, «о чем он обер-полицмейстером и кавалером Рылеевым был спрашиван и что показал, о том бы во всю свою жизнь никому ни под каким видом не сказывал, а ежели он о сем будет кому разглашать и в том изобличен будет, то с ним поступлено будет по всей строгости законов».

На допросе Герасим Зотов имени сочинителя не открыл, сказав, что книгу эту — пятьдесят

А. Н. Радищев.
С портрета худ. К. Гуна.

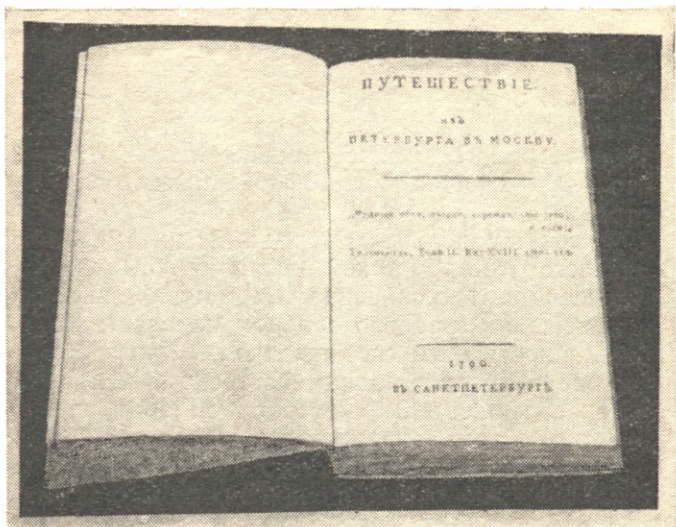
экземпляров — принес приходивший к нему в лавку, а теперь из Петербурга уехавший московский купец Сидельников. Двадцать шесть экземпляров были отданы в переплет, а остальные, без переплета, проданы «по два рубли» разным людям.

Зря лукавил Герасим Зстов. Фамилия сочинителя императрице была уже известна.

«По городу слух, будто Радищев и Челищев писали и печатали в домово́й типографии ту книгу, исследовав лутче узнаем», — написала она своему гофмейстеру графу Безбородко.

По поручению Екатерины Безбородко через начальника Радищева, президента коммерц-коллегии графа Воронцова, запросил у сочинителя объяснений:

«Ея императорское величество, сведав о вышедшей недавно книге под заглавием Путешествие из Петербурга в Москву, оную читать изволила и, нашед ея наполненною разными дерзостными изражениями, влекущими за собой разврат, неповиновение власти и многия в обществе расстройство, указала исследовать о сочинителе сей книги. Между тем достиг к ея величеству слух, что оная сочинена г. коллежским советником Радищевым; почему, прежде формального о том следствия, повелела мне сообщить вашему сиятельству, чтоб вы призвали пред себя помянутаго г. Радищева и, сказав ему о дошедшем к ея величеству слухе насчет его, спросили его: он ли сочинитель или участник в составлении сея книги, кто ему в том способствовал, где он ее печатал, есть ли у него

Титульный лист первого издания книги
„Путешествие из Петербурга в Москву“.

домовая типография, была ли та книга представлена на цензуру Управы благочиния, или же напечатанное в конце книги «с дозволения Управы благочиния» есть несправедливо; причем бы ему внушили, что чистосердечное его признание есть единое средство к облегчению жребия его, котораго конечно нельзя ожидать, естли при упорном несправедливо отрицании дело следствием откроется. Ея величество будет ожидать, что он покажет».

Впрочем, вскоре объяснений Радищева не потребовалось. Еще раз перелистав книгу и

не увидев в ней ничего, «кроме раскола и разврату», императрица решила дать делу ход.

«Спешу уведомить ваше сиятельство, — сообщил графу Воронцову Безбородко, — что ея величеству угодно, чтоб вы уже господина Радищева ни о чем не спрашивали для того, что дело пошло уже формальным следствием».

И вот 30 июня в загородный дом управляющего Петербургской портовой таможней Александра Николаевича Радищева явился полицейский офицер с ордером на арест. Неожиданностью это не оказалось. Купец Зотов, не выполнив полицмейстерского наказа, рассказал писателю, которого он знал претолочно, о чем допрашивал его Рылеев.

Воронцов, связанный со своим подчиненным крепкими узами давней дружбы, также не утаил от него, какой опасный и дурной оборот принимает дело.

Приехав накануне ареста с дачи в город, Радищев велел своему дворовому человеку Давыду Фролову сжечь все оставшиеся экземпляры книги. Вместе с ними в огонь полетело множество разных бумаг. Типографщику же Иоганну Шнору, у которого в свое время были куплены литеры и печатный станок и который просил теперь в счет долга сто экземпляров книги, было отвечено, что «сие невозможно, поелику те, которые в публику назначены, украдены».

Радищев вернулся на дачу обеспокоенный. Не надев парика, ходил по дорожкам, размышлял. До Риги — города пограничного — рукой подать, а там сыщи ветра в поле. Но

думать об этом нельзя. Его не застанут — домашних истерзают допросами. Лучше уж самому за все быть в ответе. Не к Шешковскому же его в конце концов отправят...

Но оказалось, что именно к Шешковскому. Узнав об этом в канцелярии графа Брюса, куда его привез полицейский офицер, Радищев потерял сознание.

Имя Шешковского иначе как с ужасом в городе не произносилось. Ведавший тайной канцелярией, должность свою он исполнял без снисхождения. Хвалился, что знает средство вынуждать признания. А средство, рассказывали, было таково: хватит допрашиваемое лицо палкой под самый подбородок так, что зубы трещат, а иногда и выскакивают, — как тут не признаться!

Шешковский занимался политическим сыском. За долгую службу волю государыни научился чують как собака и очень этим гордился. Под портретом императрицы, который висел у него в кабинете, велел написать: «Сей портрет величества есть вклад верного ее пса Степана Шешковского».

Вот каков был человек, во власть которого отдала Екатерина Радищева!

В секретном ордере на заключение его в Петропавловскую крепость говорилось:

*«Санкт-Петербургскому обер-коменданту
господину генерал-майору Чернышеву*

Посылается при сем с находящимся при мне дежур-подполковником и кавалером Горемыкиным коллежский советник и кавалер Радищев для содержания под стражею Санкт-

Петербургской крепости в обыкновенном месте, которого ваше превосходительство изволите от того подполковника принять и во время содержания отнюдь никого к нему не допускать. Что ж касается собственно до него, то изволите во всем поступать по наставлениям господина действительного статского советника и кавалера Шешковского.

Граф Брюс.

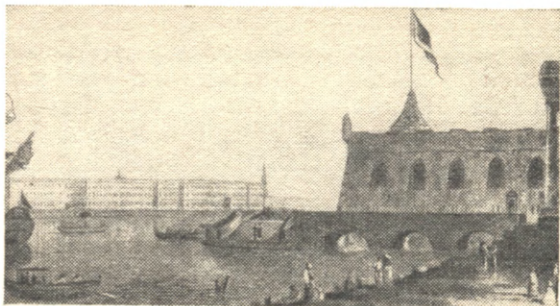
30 июня 1790 года».

...К крепости подъехали в девять часов вечера, когда солнце уже клонилось к закату. На фоне кроваво-красного неба тяжелые мрачные стены ее показались Радищеву доселе невиданными и оттого еще более ужасными.

Вспомнилось, как двадцать пять лет назад глядел он с Челищевым на крепость из дворцовых окон, когда их, воспитанников Пажеского корпуса, посылали в Зимний на дежурство. Мог ли он помышлять тогда, что придется ему стать ее пленником!

Все обстоятельства жизни Радищева вели к тому, что должен он был достигнуть высот государственных.

Рожденный в семье зажиточного саратовского помещика, семи лет от роду он был отправлен для получения образования в Москву, где в то время открылся первый русский университет, а при нем гимназия. Здесь и предстояло учиться мальчику. Но в гимназию его не отдали. Родственники со стороны матери — Аргамаковы приняли его в свою семью. Будучи племянником директора уни-

Петропавловская крепость.
С картины худ. Ф. Алексеева. 1790 г.

верситета, Михаил Федорович Аргамаков детей в классы не посылал, — им давали уроки профессора Московского университета, часто бывавшие в доме Михаила Федоровича. Вместе с маленькими Аргамаковыми учился и Радищев.

Духовному развитию мальчика во многом способствовала обстановка, царившая в семье его родственника.

Прогрессивно настроенные Аргамаковы принимали у себя цвет московской интеллигенции. У них бывали Денис Иванович Фонвизин и Михаил Матвеевич Херасков, здесь читал свои антиправительственные эпиграммы Александр Петрович Сумароков, здесь велись горячие споры о крепостном праве, обсуждались общественные и политические новости.

Гувернером в доме Аргамакова служил француз-эмигрант, республиканец, в прошлом

советник Руанского парламента. Он познакомил Радищева с французскими просветителями. В двенадцать лет мальчик уже читал Вольтера, Расина, Корнеля, Буало. Впрочем, Вольтер в то время входил в большую моду. Его книгами зачитывалась и бывшая немецкая принцесса София-Фредерика-Августа Агальт-Цербстская, названная при принятии православия Екатериной Алексеевной — будущая Екатерина Великая.

Она стала русской самодержавной императрицей 28 июня 1762 года. В этот день в Петербурге произошел дворцовый переворот, а через несколько дней свергнутый император Петр III, муж Екатерины, скончался — будто бы от геморроидальных колик. Так во всяком случае было объявлено народу. Но многие этому не верили и упорно говорили, что не от колик умер государь, а убили его по поручению Екатерины гвардейские офицеры — братья Орловы.

На коронацию новая императрица приехала в Москву.

Аргамаков, человек в Москве влиятельный, беспокоясь о судьбе сына своего провинциального родственника, пристроил его ко двору — в императрицыны пажи. Это считалось большой удачей. Служа при дворе, «в случай» попасть было легче легкого. Умей только почтительно сгибать спину да, изящно шаркая ножкой, произносить комплименты — чем витиеватее, тем лучше.

Этому в основном и обучали в Пажеском корпусе — старой, петровских времен хороми-

не, стоявшей рядом с дворцом, у самого устья Зимней канавки.

Хотя по разработанной особо программе кроме придворного церемониала и сочинения комплиментов воспитанникам надлежало еще освоить философию, математику, историю, юриспруденцию, фортификацию и множество других наук, с них этого не спрашивали и учили этому мало. Все время пажи проводили во дворце: исполняли мелкие поручения императрицы, прислуживали за столом, стараясь — упаси бог! — не звякнуть серебряной тарелкой, чего Екатерина терпеть не могла, и писали «экстракты» к пьесам, исполнявшимся в Эрмитажном театре.

Так прошло два года. Императрица, охваченная, по ее собственным словам, «законодательной горячкой» и решившая созвать Комиссию по составлению нового Уложения, приказала отправить в Лейпцигский университет для изучения юридических наук двенадцать юношей «дворянских достоинств», и среди них шестерых пажей, в том числе Радищева и трех его друзей по Пажескому корпусу: Челищева, Кутузова и Рубановского.

20 сентября 1766 года Иностранная коллегия выдала будущим студентам паспорта, и вскоре по размытой осенним дождем дороге покатались кареты, увозившие молодых дворян на чужбину.

Императрица лично определила, чем должны заниматься студенты в Лейпциге. Они должны были обучаться «латинскому, немецкому, французскому и, если возможно, славянскому языкам, моральной философии,

истории и наипаче праву естественному и все-народному и несколько Римской империи праву. Прочим наукам обучаться оставить всякому на произволение...»

На содержание студентов выделялась значительная сумма: сначала 800, а потом и 1000 рублей в год на каждого. Но жили молодые люди в Лейпциге бедно. Большая часть назначенных денег оседала в карманах попечителя студентов — начальника колонии майора Бокума. Этот грубый, невежественный человек заботился только о собственном благополучии. Он принялся так «сокращать издержки», что его подопечные вскоре оказались в самом плачевном положении. Они были лишены даже необходимого: сытной еды, сносного жилища, приличной одежды.

Все протесты студентов пресекались самым категорическим образом. Используя свое полномочие, Бокум сажал недовольных в карцер, сек розгами, избивал.

Первым восстал против притеснений Бокума старший из русских студентов — Федор Васильевич Ушаков — человек большого ума и сильной воли. Его поддержали остальные, в особенности Радищев. Дело осложнилось и приняло нежелательный для Бокума оборот.

Бунт студентов дал свои результаты. Выигрыш был не только в том, что улучшилась материальная сторона их жизни, — майор перестал жестоко притеснять своих воспитанников. Победа над Бокумом была для Радищева поучительной. Он понял: насилию, не-

справедливости, самодержавному гнету нужно противиться.

За пять лет пребывания Радищева в Лейпциге разум его, как он писал впоследствии, «обрел много понятий». Кроме юридических он изучал естественные науки, литературу, философию и даже медицину.

Дружба с Ушаковым, имевшим огромное влияние на русских студентов, помогла формированию мировоззрения Радищева.

Федор Ушаков считал, что ограничиваться тем, что преподают в университете, нельзя. Под его руководством студенты начали самостоятельно знакомиться с философией и литературой французского просвещения — с сочинениями Руссо, Гельвеция, Мабли, Дидро.

Все это были «крамольные» книги. Книга Гельвеция «О разуме» была запрещена во Франции, как содержащая «мерзкоучение, стремящееся нарушить основы христианской веры... нарушить мир в государствах, восстановить подданных против власти и против самой персоны их монархов...», книги Руссо и Дидро публично сжигались на площадях рукой палача.

«Крамольные» сочинения просветителей давали толчок «крамольным» мыслям Радищева. Их поддерживали и углубляли вести, приходившие из России. Обо всех ужасах крепостного права и произволе помещиков открыто в печати не говорилось, но кое-что уже проскальзывало на страницы новиковского журнала «Трутень» и даже на страницы некоторых русских газет.

Во всем этом нужно было разобраться, и Радищев принялся деятельно готовить себя к исполнению своего долга перед народом. По возвращении на родину он собирался активно бороться с несправедливостью.

В ноябре 1771 года, закончив университет, Радищев вместе с двумя своими товарищами Кутузовым и Рубановским вернулся в Россию. Она встретила молодых людей неласково. Екатерина, напуганная активностью дворянской и демократической оппозиции, распустила Комиссию по составлению Уложения. Юристы были ей теперь не нужны.

Радищеву, лишенному средств к существованию, пришлось принять должность протоколита в сенате.

Служба в сенате на многое раскрыла ему глаза. Он познакомился с «делами» помещиков, которым за зверское убийство крепостных давалось столь малое наказание, которое и наказанием-то считаться не могло, и с «делами» крестьян, которые с отчаяния поднимали руку на господ. Вот тут-то законы применялись со всей строгостью.

Работая в сенате, Радищев столкнулся не только с беззаконием, но и с невежеством, самодурством. Юноша, всесторонне образованный, духом пылкий и честный, проникнутый гуманными идеями, попал в омут крючкотворства и взяточничества. Общение с чиновничьей средой было для него тягостным. Он стал искать отдушины в литературном труде. Здесь он нашел применение своим чувствам и мыслям.

Первым его выступлением был перевод

книги аббата Мабли «Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья греков». Характерно, что слово «despotisme» он перевел как «самодержавство» и снабдил его таким примечанием: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние. Неправосудие государя дает народу... то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками».

В 1773 году Радищев перешел на должность обер-аудитора (военного прокурора) в штаб главнокомандующего — графа Я. А. Брюса.

На службе у Брюса его застало величайшее событие в жизни Российской империи — крестьянское восстание под предводительством Пугачева. В 1773 году оно стало охватывать губернию за губернией. Запылали подожженные восставшими помещичьи дома на Урале, в Заволжье, в Прикамье. Вместе с русскими крепостными крестьянами против притеснителей поднялись угнетенные народы других национальностей.

Выступление крестьян закончилось поражением. Русское правительство встало на путь открытой реакции.

События крестьянской войны не могли не оказать воздействия на Радищева. Они еще раз заставили его задуматься над причинами народного гнева. То, что он видел вокруг себя, могло только усилить его стремление служить родному народу.

10 января 1775 года в Москве на Болотной площади был казнен Емельян Иванович

Пугачев. Несколько месяцев после этого регулярные правительственные войска «наводили порядок» в помещичьих имениях, плетью усмиряя недовольных.

Радищев ушел из военной канцелярии Брюса и уехал в Москву. Вскоре в его жизни произошла еще одна большая перемена — он женился на племяннице своего университетского товарища Рубановского Анне Васильевне Рубановской, с которой познакомился после возвращения из Лейпцига. Молодые люди полюбили друг друга, но родители, стремившиеся повыгоднее устроить судьбу дочери, не сразу согласились выдать ее за незнатного и небогатого человека.

После смерти тестя Радищев вместе с молодой женой и тещей поселился в Петербурге, в доме Рубановских на Грязной улице (теперь улица Марата). Скоро в доме стало тесно: из Смольного института, закончив образование, вернулись младшие сестры Анны Васильевны Елизавета и Дарья, а у Радищевых появились дети. Тогда Александр Николаевич решил построить на территории просторного двора еще один дом. Он сохранился до сих пор. Это дом № 14 по улице Марата. С ним у Радищева связано многое: здесь в память о покойном друге он написал «Житие Федора Васильевича Ушакова» (Ушаков умер незадолго до отъезда из Лейпцига), потом «Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске», оду «Вольность» — по словам Екатерины, совершенно явно и ясно бунтовскую, написал и отпечатал в устроенной им самим

Дом на улице Марата, 14, в котором жил
А. Н. Радищев.

типографии «Путешествие из Петербурга в Москву».

В этом доме протекли и недолгие счастливые годы его семейной жизни. Через восемь лет со дня свадьбы Анна Васильевна скончалась. Умерла она 3 августа 1783 года, вскоре после рождения третьего сына Павла. Похоронили Анну Васильевну в Александро-Невской лавре.

Радищев, горячо любивший жену, тяжело переживал потерю. Свои чувства он выразил в стихотворной эпитафии, которую хотел вырезать на надгробном памятнике, но сделать это ему не разрешили, потому что в эпитафии содержалось «некоторое сомнение в бессмертии души». Тогда Александр Николаевич приказал выбить эпитафию на камне и установить его в отдаленном уголке своего сада.

В эти годы Радищев вел замкнутый образ жизни, много времени уделяя своим служебным делам. В 1777 году он поступил на службу в так называемую коммерц-коллегию, президентом которой был граф Александр Романович Воронцов. Здесь вновь ярко проявились такие черты характера Радищева, как прямота, честность, справедливость.

Однажды здесь рассматривалось дело браковщиков пеньки, обвинявшихся в служебных упущениях. Все члены коллегии, в том числе и сам президент, считали обвинение правильным. Возражал только Радищев. Сколько ни уговаривали его не перечить президенту, он не согласился, сказав, что лучше оставит службу, чем подпишет несправедливый приговор.

Когда Воронцову доложили о поведении новичка, он, думая, что тот получил от браковщиков взятку, вначале рассердился, но потом, выслушав Радищева, сам стал на его точку зрения.

Этот эпизод положил начало дружбе могущественного екатерининского вельможи и скромного асессора. Впоследствии Воронцов сделал все от него зависящее, чтобы облегчить участь осужденного Радищева, и предпочел выйти в отставку и навлечь на себя гнев императрицы, чем отказаться от помощи своему другу.

В 1779 году Радищев был повышен в чине, в 1780 году назначен помощником управляющего Петербургской портовой таможней, а после смерти управляющего Даля (весной 1790 года) занял его место.

Оно считалось довольно доходным, это место, особенно в те времена, когда взяточничество и грабеж государственной казны были делом обычным. Но Радищев не нажил миллионов. К работе он относился со всей добросовестностью, с полным сознанием своего долга перед родиной.

Несмотря на служебную занятость, Радищев не оставил литературной деятельности. Когда в Петербурге образовалось Общество друзей словесных наук, Радищев стал его активным членом. В журнале «Беседующий гражданин», издаваемом обществом, была напечатана его статья «Беседа о том, что есть сын Отечества».

Эта статья — проповедь гражданских добродетелей. По мнению Радищева, патриоту —

истинному сыну отечества — должны быть присущи три черты: честолюбие — непрерывное стремление к совершенствованию, желание делать добро и таким путем заслужить всеобщее уважение; благодравие — честность, скромность, готовность пожертвовать жизнью для блага отечества, и благородство. Радищев лишает это понятие сословного оттенка. По его мнению, благороден тот, «кто учинил себя знаменитым мудрыми и человеколюбимыми качествами и поступками своими, кто сияет в обществе разумом и добродетелью».

Радищев проводит мысль о том, что сыном отечества не может называться тот, кто угнетает себе подобных. Самые страстные строки статьи посвящены тяжелому положению крепостных. Радищев подчеркивает, что крестьяне коварством и насилием доведены до положения тяглового скота. Они угнетены, унижены, презрены. Их труд, нечеловечески тяжелый, бессмыслен, потому что приносит пользу не государству, а мучителям-помещикам.

Конец их страданиям может положить только смерть, которую они ждут, как свою избавительницу. Впрочем, замечает Радищев, иногда самая тяжесть угнетения «заставляет их проклинать бедственное свое состояние и искать оному конца».

В этой небольшой статье впервые в русской литературе прозвучал голос патриота-революционера. Набатов, призывающим к восстанию, стал этот голос в «Путешествии из Петербурга в Москву».

Над этой книгой Радищев работал почти

десять лет. Еще в 1780 году было начато «Слово о Ломоносове», включенное потом в «Путешествие», с 1781 по 1783 год писалась ода «Вольность», ставшая стержнем главы «Тверь». Поездка на лодке из Петербурга в Сестрорецк в 1786 году дала материал для главы «Чудово».

Ода «Вольность» заслуживает того, чтобы остановиться на ней особо. «Вольность» — это гимн свободе, призыв к свержению самодержавия революционным путем. Радищев утверждает, что самодержавие противно самой природе человека. Народ должен подчиняться только избранной им власти.

Поэт прославляет Кромвеля — вождя английской революции XVII века, казнившего короля Карла I и научившего тем самым народы «мстить за себя». Неудивительно, что Екатерина назвала эти строки оды, включенные в «Путешествие», бунтовскими.

Название «Путешествие из Петербурга в Москву» возникло, по-видимому, не сразу. Известен рукописный экземпляр произведения, имеющий двойное название: «Проницающий гражданин, или Путешествие из Санкт-Петербурга в Москву». Вполне возможно, что на мысль назвать так свою книгу Радищева натолкнула льстивая книжонка «Путешествие ея императорского величества в полуденный край России, предпринятое к назиданию государственных польз и к усовершенствованию благоденствия ее поданных». Дело в том, что в 1787 году, за год до того, как Радищев закончил свой труд, Екатерина со свитой и послами многих государств совершила

путешествие в Крым через недавно присоединенные к России земли степной Украины, получившие название Новороссии. Эта поездка была предпринята по инициативе «светлейшего князя» Потемкина и должна была показать иностранцам и самой императрице, сколь благополучно живут ее подданные. По пути следования Екатерины воздвигались триумфальные арки, галереи. На берегах Днепра «светлейший» сооружал декоративные деревни, вошедшие в историю под названием «потемкинских». По распоряжению наместников крестьяне и жители городов устилали улицы ветками. Карету императрицы они должны были ожидать «в лучшей одежде, а особенно девки — в уборах на головах и с цветами в руках, чтобы отнюдь никого в разодранной одежде не было, а паче пьяных и калек...»

Толпы народа в праздничных платьях; искусно нарисованные на холсте деревни с церковью и барским домом, украсившие незаселенные местности южного края; большие стада, сгоняемые во время проезда императрицы, — все это должно было свидетельствовать о богатстве страны и довольстве ее жителей.

И это в то время, когда миллионы крестьян России нищенствовали!

Да, книга Радищева была необходима. В каждой строке ее безжалостно обнажались противоречия между показным благодеянием и жестокой действительностью. Императрица видела то, что ей хотели показать, тогда как Радищев, «зритель без очков» смотрел сам и видел все

«Я взглянул окрест меня, — душа моя страданиями человечества уязвлена стала», — пишет Радищев.

Версту за верстой, станцию за станцией проезжает путешественник, и везде его глазам открывается темный мир крепостников, везде он видит бесправный, угнетенный народ.

На почтовой станции Любани путешественник разговаривает с крестьянином, пашущим в воскресенье, потому что в другие дни он с утра до глубокой ночи работает на барина, на станции Медное становится свидетелем продажи крепостных с публичного торга, в деревне Городня присутствует при незаконной сдаче крепостных в солдаты, на станции Черная Грязь видит «также изрядный опыт самовластия дворянского над крестьянами» — насильственное бракосочетание.

Какой бы области жизни народа ни коснулся Радищев, он показывает поругание «священного имени закона», рисует непосильный труд и нищету крестьян. «Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем: то, чего отнять не можем, — воздух!» — восклицает писатель.

Все, что слышал он в детстве о жестокостях помещиков, все, с чем познакомился, читая страшные дела в сенате, — весь опыт своей нелегкой жизни вложил Радищев в этот труд.

Годы, в течение которых он сталкивался с судопроизводством, не могли не оставить глубокого следа в его сознании. Поэтому многие страницы книги посвящены русскому законодательству, вернее — русскому беззаконию.

Путешественник крепко засыпает в кибитке, увозящей его со станции Спасская Полесь, и видит сон.

Ему снится, что он Царь, Шах, Хан, Король, Бай, Набоб, Султан «или какое-то сих названий нечто, сидящее во власти на престоле...»

Главу его украшает лавровый венец, ничто не может сравниться с блеском его одежд. Вокруг престола с робким подобострастием стоят «чины государственные». В некотором отдалении толпится народ. Все трепетно молчат, — свидетельство того, что всё подвластно его воле.

Он зеваёт от скуки, — и тотчас всех охватывает страх, почти ужас. Он чихает и криво улыбается, — и тотчас с лиц исчезает печаль. Все восклицают: «Да здравствует наш великий государь, да здравствует навеки!»

О нем говорили, что он «усмирил внешних и внутренних врагов, расширил пределы отечества, покорил тысячи разных народов». Что он «обогастил государство, расширил торговлю, что он любит науки и художества... умножил государственные доходы, народ облегчил от податей... Он законодатель мудрый, судия правдивый... он вольность дарует всем...»

Приятно было слушать эти восхваления, но еще приятней было видеть, как быстро исполняются его приказания.

Все рукоплескали ему, — одна только женщина в простом платье, с суровым лицом «испускала вздохи скорби и являла вид презрения и негодования»... Это была никому

из присутствующих не известная странница, называвшая себя Прямовзорой и глазным врачом...

«Я есмь Истина», — сказала она и сняла бельма с глаз Царя.

И Царь увидел, что его блестящие одежды замараны кровью и омочены слезами, что военачальник его, посланный на завоевание, утопал в роскоши и веселии, а воины «почитались хуже скота...», что царское милосердие стало предметом торговли, что народ называл Царя «обманщиком, ханжою и пагубным комедиантом»...

Если бы Екатерина, не читая всей книги, просмотрела только одну эту главу — результат был бы тот же. Карающая десница императрицы опустилась бы на голову автора с такою же силой.

Не могла Екатерина не узнать себя в монархе, окруженном ничтожными льстецами, «в коих господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть», в монархе, чьи одежды «замараны кровью и омочены слезами», в монархе, который прослыл в народе «обманщиком, ханжою и пагубным комедиантом!» А в военачальнике невозможно было не узнать фаворита Екатерины — «светлейшего князя» Потемкина, отправившегося на войну в сопровождении штата поваров, лакеев и любовниц.

Все в книге было продумано, взвешено, каждое слово било в цель!

Весной 1789 года Радищев представил рукопись на цензурный просмотр в Петербургскую управу благочиния. 22 июня председа-

тель управы обер-полицмейстер Никита Рылеев поставил на нее штамп «Печатать дозволено».

С одобренной к печати рукописью Радищев обратился к московскому типографу Селивановскому, но он принять ее отказался. «Пробежав оригинал и поняв всю важность его содержания, — вспоминал впоследствии сын Селивановского, — батюшка оставил книгу Является автор. Ему отвечают, что книги печатать не станут». Получив отказ, тот погорячился, но потом «смягчил тон и, расспросив о деле типографском и имея деньги, решился сам завести типографию...»

Вскоре у владельца крупной петербургской типографии Иоганна Шнора были куплены литеры и небольшой печатный станок. Его установили в одной из комнат верхнего этажа дома на Грязной.

Работа началась. Большую помощь Радищеву оказали его сослуживцы — таможенные досмотрщики Богомоллов, набиравший книгу, и Путный, ее печатавший. Набело переписал рукопись для набора тоже таможенный служащий Александр Царевский, молодой образованный человек, дававший уроки детям Радищева. Корректуру книги читал и правил сам автор.

И вот в конце мая 1790 года появилась небольшая, в восьмую долю листа, книга под названием «Путешествие из Петербурга в Москву», а 30 июня ее автора отправили в Петропавловскую крепость.

Где именно его там заточили, никто из близких Радищева не знал. Было в то время

в крепости всего два места, где содержали узников, два рavelина — Исанновский и Алексеевский. Назвали их так в царствование Анны Иоанновны в честь ее отца и деда. Поскольку крепость была политической тюрьмой, сведения о ней в город почти не просачивались. Но что она собой представляла — в Петербурге примерно уже знали. Известно было, например, что зимой 1775 года в камере Иоанновского рavelина умерла от чихотки самозванная княжна Тараканова, называвшая себя дочерью императрицы Елизаветы и претендовавшая на русский престол. Здесь же за одиннадцать лет до ареста Радищева сидел офицер Винский. Он-то и рассказывал потом о тамошних порядках.

Винский сидел в трех казематах и потому впечатление о крепости составить мог полное. Рассказывал он, что доставили его сюда по Неве на шлюпке рано утром, повели мимо комендантского дома, гауптвахты и подвели к западным деревянным воротам, ведущим в рavelин святого Иоанна. Отворив ворота, впустили узника в пространный треугольник, посредине которого находилось продолговатое деревянное строение. Там Винского зарегистрировали и дали ему провожатого, чтобы отвести в каземат.

«Идучи от дому, я глядел и ничего не видел, кроме каменных крепостных стен, с редкими в них дверцами и малыми окошечками, — говорил Винский. — Подаваясь все вперед, приближались ко въезду на стену. Я не знал, что о сем помыслить, как красноголовый мой (конвоир, в головном уборе красного

цвета. — *В. И.*) повернул влево, в самом углу отпер небольшую дверь, вошел в нее сам и меня ввел. Вступая в сие место, я увидел огромный со сводами во всю ширину стены погреб или сарай, освещаемый одним маленьким окошечком».

В этом «погребе» Винского обыскали, разули и раздели, отняли верхнюю рубашку, шейный платок, все вещи и деньги. Затем повели в самую глубь каземата, где, отворив маленькую дверь, сунули за нее, бросили шинель и обувь, потом дверь захлопнули.

Камера, в которую втолкнули Винского, представляла собою темный, сырой каменный мешок без окон. «Видя себя в совершенной темноте, — продолжал он, — я сделал шага два вперед, но лбом коснулся свода. Из осторожности простерши руки вправо, я ощупал прямую мокрую стену; поверотясь влево, наткнулся на мокрую скамью...

По прошествии, может быть, четверти часа, слышно стало, что подходят крадучись к моему чулану, отпирают дверь, и я увидел лысого солдата, который со свечою в руках начал чего-то искать по полу. — Скажи, мой друг, за что меня заперли? Молчит. — Кто здесь судьей? Ни слова. — Разве ты не русский? Нет ответа... Схватываю его за ухо больно. — Ты видно немой? И он благим голосом завопил: — Шалишь, хозяин! На сей вопль прибежали еще двое солдат и унтер, который сказал грозно: — Не забиячь, барин; здесь келья — гроб, дверью хлоп. — Да что же он мне не отвечает? Я офицер. — Здесь не ты хозяин, и коли станешь забиячить, то уймут;

а баять здесь не велят. Сказавши это, дверь захлопнули и цепь наложили».

Келья-гроб, дверью хлоп — вот каково было «обыкновенное место», в котором, согласно ордеру, должен был содержаться Радищев. Находился он в крепости на положении секретного арестанта. Никто здесь не знал причины его ареста — ни подполковник Горемыкин, привезший Радищева, ни комендант генерал-майор Чернышев, принявший нового узника, ни тем более стража. Вся власть над ним принадлежала лишь одному человеку — Шешковскому.

К допросу Радищева Шешковский приступил тотчас же после ареста — в ночь с 30 июня на 1 июля. Задав ему несколько ничего не значащих вопросов, он потребовал письменных объяснений по поводу книги, намекнув, что делу придано государственное значение и что государыня велела сказать, «чтоб он написал сам, как говорит, что правду любит, как дело было; ежели ж не напишет правду, тогда принудит меня сыскать доказательство, и дело его делается дурнее прежнего».

В то время как узник покрывал торопливыми строчками пронумерованные листы бумаги, стремясь во что бы то ни стало отвести внимание императрицы от своих друзей и помощников, подозреваемых в причастности к делу, Екатерина продолжала писать замечания на книгу, начатые ею, когда автор был еще неизвестен.

7 июля статс-секретарь Храповицкий занес в свой дневник: «Примечания на книгу Ради-

щева посланы к Шешковскому. Сказывать изволили, что он бунтовщик хуже Пугачева, показывали мне, что в конце хвалит Франклина как начинщика и себя таким же представляет. Говорено с жаром и чувствительностью».

Ярость императрицы, почтительно названная Храповицким «жаром», была понятна. Над Францией реяли знамена революции. Голодный, нищий народ поднялся против своих господ. Пала Бастилия. Зарево мятежа разрасталось. Оно настораживало, пугало. А тут еще эта книга, прямо призывающая крестьян к бунту, зараженная «французским заблуждением» и непочтением к властям!

Негодованием Екатерины не было предела. Она решила расправиться с сочинителем без пощады, чтоб другим неповадно было. Шешковский и на сей раз правильно понял свою повелительницу. Получив «собственноручный ея величества рескрипт с замечаниями на книгу», он составил вопросник, в точности их воспроизводящий.

Так, Екатерина писала:

«Едет оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния, хотя и то неоспоримо, что лучше судьбы наших крестьян у хорошего помещика нет по всей вселенной».

И Шешковский спрашивал Радищева:

«Почему вы осуждаете состояние помещичьих крестьян, зная, что лучше судьбы российских крестьян у хорошего помещика нигде нет?»

Екатерина писала:

«...На последней (странице. — В. И.) написаны сии слова: «Он был царь. Скажите ж, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской?» Сочинитель не любит царей и, где может к ним убавить любовь и почтение, тут жадно прицепляется с редкой смелостию...»

Шешковский спрашивал:

«Начиная с 306 по 340 между рассуждениями о цензуре помещены и сии слова: «Он был царь. Скажите ж, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской?», то как вы об оных словах думаете?»

Следствие велось необычайно быстро. Шесть дней подряд, с 6 по 11 июля, днем и ночью Шешковский задавал Радищеву бесконечные вопросы.

Для допроса установлена была определенная система. Сначала Радищев давал показания устно, потом ему вручались «вопросные пункты», и он ночами, когда Шешковский уходил спать, писал на них под наблюдением дежурного офицера ответы. Во время следствия узник тонко уклонялся от прямых ответов на главные вопросы императрицы. Она настойчиво требовала, чтобы Радищев рассказал, зачем он сочинил свою «дерзкую» книгу — не с целью ли сделать «возмущение». Радищев отвечал, что никакого намерения сделать «возмущение» он не имел, Францию в пример не брал, а о царях писал только о тех, которые известны в истории своими дурными поступками. Что же до помещиков, то между ними тоже есть «уроды», «которые, отступая от правил честности и благонравия,

делают иногда предосудительные деяния» и автор «сим своим писанием думал дурного сорта людей от таких гнусных поступков отворотить».

Часто Радищев сбивал следствие, на многие вопросы давал туманные ответы. Шешковский это понимал, но излюбленных мер своих — кнута и пыток — на сей раз не применял, поскольку каждый день приходил к нему посыльный от семьи Радищева с богатыми подарками.

13 июля последовал «высочайший указ» о предании Радищева суду уголовной палаты. Через день после этого судебное разбирательство началось. Оно велось при закрытых дверях. Книгу читали вслух, и во время чтения даже канцелярские служащие в зал не впускались.

По распоряжению императрицы суд должен был выяснить следующее: «в каком намерении» сочинил свою книгу Радищев, чувствует ли он важность своего преступления и кто его сообщники. Последнее интересовало Екатерину больше всего.

Радищев, понимая, что ему лучше сыграть роль кающегося грешника, отвечал, что написал он книгу только из желания разбогатеть, прослыть «острым» писателем, дерзновенность содеянного понимает, а сообщников у него нет. Так он и не назвал никого из своих единомышленников, никого из своих друзей и помощников. Но слишком заметна была неискренность этого «чистосердечного» признания. Завести типографию, купив в долг станок и литеры, чтобы напечатать только

свою книгу, никак не соответствовало желанию разбогатеть, а выпустить анонимное сочинение — стремлению прославиться. Палата прибегла к священническому увещанию подсудимого. Он стоял на своем.

24 июля был вынесен приговор. Подчеркнув, что все показания Радищева на следствии опровергаются его книгой, палата уголовного суда решила: «лиша чинов и дворянства, отобрав у него знак ордена святого Владимира 4 степени... казнить смертью, а показанные сочинения его книги, сколько оных отобрано будет, истребить».

Заседатели уголовного суда были в большом затруднении относительно того, какие законы им следует применить. Высказывание Екатерины, что сочинитель — бунтовщик хуже Пугачева, сомнений в ее намерениях не оставляло. А вот подходящих статей не находилось. Пришлось судьям рыться в старых законах и выискивать все, что кончалось словами «казнити смертью».

«...А которые воры чинят в людях смуту и затевают на многих людей воровским своим умышлением затейные дела, и тех воров за такое их воровство казнити смертью...

...Буде кто каким умышлением учнет мыслити на государево здоровье злое дело, и такого по сыску казнити смертью...

...Так же будет, кто при державе царского величества, хотя Московским государством завладети и государем быти, начнет рать собирать... и такого изменника по тому же казнити смертью...»

Так как по закону дворянин не мог быть

лишен жизни без утверждения приговора сенатом и санкции императрицы, дело перешло туда.

8 августа сенаторы не только утвердили приговор, но и постановили: заковав осужденного в кандалы, сослать его на каторжную работу в Нерчинск, «дабы таковым удалением отнять у него способ к подобным сему предприятиям», и там, после утверждения смертного приговора императрицей, отсечь преступнику голову.

Полтора месяца со дня на день ожидал больной, измученный допросами Радищев смертной казни.

Все мысли его были о детях, остающихся круглыми сиротами.

25 июля в Петропавловской крепости он написал завещание, которое начиналось словом «Свершилось!», в нем он давал последние советы детям, делал распоряжения относительно небогатого своего имущества, просил прощения у родных за причиненное им горе. Несколько позже Радищев начал писать повесть о Филарете Милостивом, напоминающую, правда, больше биографию его самого, чем житие святого. В иносказательной форме Радищев хотел рассказать детям о своем стремлении служить угнетенному народу, объяснить им свои поступки. Шешковский не передал повесть семье Радищева. Он не вернул ее и автору. Повесть была приобщена к делу.

Вскоре Государственный совет одобрил смертный приговор, но Екатерина, опасаясь общественного мнения, казнить Радищева

не решилась. 4 сентября 1790 года она заменила ему смертную казнь ссылкой в Сибирь в Илимский острог на десять лет.

8 сентября 1790 года Радищева взяли из Петропавловской крепости и в цепях, под стражею доставили в губернское правление. Здесь ему объявили о решении императрицы. В тот же день поздним вечером, не снимая с приговоренного цепей, конвоиры накинули на него рваный тулуп, взятый у сторожа, и втолкнули в дорожный возок.

На другом берегу Невы стояла с детьми Радищева его свояченица Елизавета Васильевна Рубановская. Но проститься им не удалось — мост был разведен, а ждать конвоиры не захотели. Раздался свист бича — и лошади тронулись.

Возвратился Радищев из Илимска лишь через семь лет, уже после смерти Екатерины. Новый царь Павел I разрешил перевести писателя в одну из деревень, принадлежавших его отцу.

В 1800 году кончился срок ссылки Радищева, определенный указом императрицы, но правительство продолжало держать его под надзором. В Петербург он смог возвратиться, только когда на престол вступил Александр I — в 1801 году. Тогда же ему вернули дворянство.

По рекомендации графа Воронцова Радищева зачислили в штат Комиссии по составлению законов. Когда же на заседании он стал высказывать свои революционные идеи, ему дали понять, что он опять может попасть за них в Сибирь. Невыносимо тяжело было

Радищев в Илимске.
С акварели худ. В. И. Кайдалова. 1949 г.

Радищеву жить и работать в такой обстановке. 11 сентября 1802 года он покончил жизнь самоубийством.

«Потомство за меня отомстит», — были его последние слова.

* * *

22 сентября 1918 года, через одиннадцать месяцев после того, как восставший народ России взял власть в свои руки, в Петрограде, перед Зимним дворцом, был установлен памятник предтече Революции Александру Николаевичу Радищеву.

Выступивший на торжественном открытии памятника нарком просвещения Советской России А. В. Луначарский сказал:

«Вы видите, товарищи: мы заставили для Радищева посторониться Зимний дворец, бывшее жилище царей. Вы видите: памятник поставлен в брешу, проломанной в ограде дворцового сада. Пусть эта брешь являет собою для вас знамение той, которую проломил народ богатырской рукой, прокладывая себе дорогу во дворцы.

Памятнику первого пророка и мученика революции не стыдно будет стоять здесь, словно стражу у Зимнего дворца, ибо мы превращаем его в дворец народа...»

Этот памятник работы скульптора Шервуда не сохранился. Его разрушило наводнение 1924 года. Но никогда ничто не сможет разрушить в наших сердцах благодарную память о Радищеве — первом русском революционере, великом писателе и пламенном патриоте, показавшем потомкам пример мужественного служения народу.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952.
- «Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959.
- Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. 1. М., Госюриздат, 1960.
- Евгеньев Б. Александр Николаевич Радищев. М., «Молодая гвардия», 1949.
- Канн П. Я. Петропавловская крепость. Лениздат, 1957.
- Кулакова Л. А. Н. Радищев. Лениздат, 1949.
- «Литературные памятные места Ленинграда». Лениздат, 1959.
- Луначарский А. В. Статьи о литературе. М., Гослитиздат, 1957.
- Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., Гослитиздат, 1956.
- Орлов Вл. Радищев и русская литература. М., «Советский писатель», 1952.
- Радищев А. Н. Избранные сочинения. М., Гослитиздат, 1952.
- «Радищев А. Н. Материалы и исследования». М., Изд-во АН СССР, 1936.
- «Радищев. Статьи и материалы». Л., Изд-во ЛГУ, 1950,

- Светлов Л. Б. А. Н. Радищев. М., Изд-во АН СССР, 1958.
- Старцев А. Радищев в годы «Путешествия». М., «Советский писатель», 1960.
- Старцев А. Университетские годы Радищева. М., «Советский писатель», 1956.
- Ульянский А. И. Радищев в Петербурге. Памятные места. Лениздат, 1939.
- Якушкин. Суд над русским писателем. В журн. «Русская старина», сентябрь 1882 г.

Валентина Петровна Иванова
„А. Н. Радищев“

Редактор И. И. Слобожан
Художник В. П. Ефимов
Технический редактор А. И. Сергеева
Корректор Б. М. Парамонов

Слано в набор 26/V 1965 г. Подписано к печати 3/VII 1965 г.
Формат бумаги 70×90¹/₃₂. Физ. печ. л. 1,375. Усл. печ. л. 1,61
Уч.-изд. л. 1,57. Тираж 50 000 экз. М-31271. Заказ № 792
Работа объявлена по Б. З. № 73-19

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография имени Володарского Лениздата, Фонтанка, 57

Цена 5 коп.

*В серии „ Узники Петропавловской крепости“
выходят следующие брошюры:*

А. М. ГОРЬКИЙ
А. И. УЛЬЯНОВ
А. С. ШАПОВАЛОВ
М. С. ОЛЬМИНСКИЙ
П. Н. ЛЕПЕШИНСКИЙ
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
К. Ф. РЫЛЕЕВ
А. И. ЖЕЛЯБОВ
П. Г. КАХОВСКИЙ
С. П. ТРУБЕЦКОЙ
А. А. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

Следите за выходом нашей серии!

5 коп.

